

**Федора Ароновича Орлов
Юлий Цезарь. Его жизнь
и военная деятельность**
Серия «Жизнь замечательных людей»

предоставлено правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175821

Аннотация

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Глава I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Е. Орлов
Юлий Цезарь
Его жизнь и военная деятельность
Биографический очерк
С портретом Юлия Цезаря,
гравированным в Петербурге К. Адтом

Глава I

Место Цезаря в римской истории. – Происхождение и семья. – Образование. – Демократические симпатии и столкновение с Суллой. – Нравственные и умственные качества. – Пребывание на Востоке. – Выступление в судебных процессах. – Поездка в Родос и плен у пиратов. – Участие в Митридатской войне. – Дружба с Помпеем. – Панегирик Марию. – Квестура в Испании. – Заведование Аппиевой дорогой. – Предложение Габиния и Манилия. – Эдилство. – Реабилитация Мария. – Аграрный проект Рулла. – Процесс Рабирия. – Понтификат Цезаря. – Роль в деле Катилины. – Претура. – Нападение на Катуллу. – Предложение Метелла. – Стычка с сенатом. – Процесс Клодия. – Пропреторство в Испании. – Консульство и триумвират. – Публикование сенатских бюллетеней. – Аграрный закон. – Союз с всадниками. – Назначение проконсулом Галлий. – Неудачные нападения на Цезаря и отношение его к Цицерону

История древнего мира не знает переворота более глубокого и всезахватывающего, нежели тот, который пережила Италия за последние два с половиною века до Р. Х., со времени 2-й Пунической войны. Под двойным давлением бесчисленных войн, подолгу отрывавших крестьянина от сохи, и вновь введенного орудия производства – раба, требовавшего, в силу своей непроизводительности, крупной системы хозяйства, мелкая собственность стала разлагаться и исчезать, уступая место широкому плантационному землевладению, неслыханному по своим размерам вплоть до наших дней. Итало-римское население, дотоле однородное, расслоилось в силу этого на два класса: неимущих пролетариев и богатых латифундистов, и прежние государственно-правовые понятия и отношения подверглись коренному изменению. В то время, как для одних, ничтожной горсти в две-три тысячи человек, государство фактически превратилось в их частную собственность, для других, составлявших подавляющее большинство, оно потеряло свой прежний реальный смысл и значение: лишившись своего надела, они тем самым лишились и того своего пая в национальном имуществе, именуемом республикою (*respublica* так буквально и означает: общее имущество), которым определялись их гражданские права как в объекте, так и в содержании. Что, в самом деле, в том, что он, пролетарий, имеет возможность участвовать в государственном правлении – в выборе и контроле должностных лиц, в утверждении бюджета, в проведении законов, в объявлении и заключении войны и т. д., – когда все, что он ни сделает, пойдет на чужое дело, до него ни одной стороной не касающееся? Ведь для того, чтобы править, нужно иметь, над чем править, а этого как раз у него нет, так как все отошло к другим, делалось их собственностью. Слова “*civis romanus*”¹, которыми он некогда так гордился, стали для него пустым, ничего не значащим звуком, и поскольку это касается его, республиканский строй, придя в противоречие со своими основными принципами равенства интересов и прав, мог бы вовсе перестать существовать. Вопрос лишь в том, каким образом он перестанет существовать, и на это борьба предыдущих поколений дала свой ответ. С того момента, как разорившийся крестьянин, забросив землю, стал стекаться в столицу, наполняя воздух жалобами и стонами, начали раздаваться голоса о грядущей гибели италийского населения и о необходимости предотвратить катастрофу восстановлением мелкой собственности путем передела общественных земель и ограничения хищнических богатых сословий. На сцену явились братья Гракхи и другие, требовавшие экономических реформ в этом смысле; но их попытки оканчивались ничем, разбиваясь об оппозицию правящих классов. Началась упорная борьба, стоившая многим благородным личностям их свободы и жизни, пока демократическая партия, выдвигавшая их, не убедилась, что всякие попытки на реформы при суще-

¹ римский гражданин (лат.)

ствующем политическом порядке заранее осуждены на неудачу: государственная машина находилась в руках латифундистов, а те отлично знали, как ею управлять в своих интересах. Необходимо было эту машину переделать или вырвать, и вот на знамени демократов появляется новый лозунг: диктатура. Борьба сразу переходит с чисто экономической на политическую почву, и все надежды и стремления реформаторов сосредоточиваются на захвате власти и учреждении единоличного правления в интересах пролетариата. Опять целый ряд лиц, как Марий, Серторий и Катилина, погибает в своем бессилии надломить сложившуюся веками государственную организацию, пока выпавшее из их рук знамя не было поднято Цезарем и водружено над обломками разбитой республики.

Гай Юлий Цезарь родился 12 июля 100, а по Моммзену 102 года до Р. Х., и принадлежал к знаменитому римскому роду Юлиев, потомков Юла или Аскания, основателя Альба Лонги. Как заверяет и Вергилий, Юл был сын Энея, а потому внук Анхиза и Венеры; Цезарь, следовательно, имел право возводить свою генеалогию к самим богам, что в торжественные случаи он не раз и делал: в своей надгробной речи над теткой Юлией он с гордостью указывает на ее происхождение; в битвах при Фарсале и Мунде он делает лозунгом словосочетание “Венера-родительница”, а на монетах Илиона, легендарного обиталища его предков, он приказывает чеканить рядом портреты свои и Энея. Подобно большинству других римских родов, Юлии состояли из двух ветвей, патрицианской и плебейской, и Цезарь принадлежал к первой из них, получившей около III века до Р. Х. прозвище Цезарь. Что означало последнее, в точности неизвестно: одни полагают, что оно взято от слова “caeserius”, косматый, каким мог уродиться один из родоначальников, а другие – от “caesus”, сечение, посредством которого один из Юлиев был будто бы извлечен из утробы матери. Первое предположение, вероятно, ближе к истине, хотя и поныне в акушерской хирургии существует операция, именуемая кесаревым сечением. Отец нашего героя, носивший то же имя, был одно время претором, а мать Аврелия сама принадлежала к именитой фамилии Котт, насчитывавшей много курульных магистратов и ученых юристов. О личностях их нам, к сожалению, мало известно: отец умер внезапно, когда сыну было около шестнадцати лет, а мать, хотя и прожила гораздо дольше, появляется на сцену всего дважды: когда Цезарь отправлялся на выборы в верховные жрецы и когда в его доме был найден Клодий. Мы знаем лишь, что сын до конца своих дней сохранил о ней самую светлую память как о женщине умной, нежной и заботливой, все свои силы посвятившей его воспитанию. В чем это последнее состояло, мы опять-таки не знаем: отданный на руки ученому галлу, но натурализованному римлянину, Марку Антонию Гнифону, Цезарь мог обучиться у него лишь языкам и литературе, отечественной и греческой, и приобрести хорошие манеры; но изучал ли он что-нибудь действительно серьезное, – математику, историю, право, философию, – нам осталось неизвестным. Несомненно, однако, что, в отличие от многих других его круга, Цезарь получил чисто римское образование без примеси иностранных элементов: родившись римлянином, он всю жизнь оставался таким, несмотря на господствовавшие тогда эллинские моды и веяния.

В 87 году до н. э., когда ему было всего 13 лет, он был избран в жрецы Юпитера – *flamen dialis*. Это был один из главных постов в тогдашней духовной иерархии, и странный факт занятия его мальчиком объясняется тем, что Марий, располагавший тогда судьбами Рима, был женат на сестре отца Цезаря, Юлии. Это был редкий случай царившего в то время nepotизма, напоминающий во многом подобные же факты из истории средних веков, когда папская тиара доставалась отрокам. Естественно, что уже с той поры Цезарь делается приверженцем Мария и начинает обнаруживать демократические симпатии; он продолжает питать их даже по смерти своего патрона и в 83 году до н. э. расходится с невестой из богатой всаднической семьи с тем, чтобы жениться на Корнелии, дочери демократического вождя Цинны. Когда же вскоре затем вернулся с дальнего Востока Сулла и повел ультрааристократическую реакцию, Цезарь, один из немногих, продолжал свою деятельность и знакомства,

не скрывая своих убеждений и смеясь над проскрипциями². По приказу всесильного диктатора, М. Пизоп принужден был развестись с Аннией, вдовою Цинны, а Помпей – с Антистией; но когда подобное же требование было предъявлено Цезарю, он наотрез отказался, говоря, что Сулле нет дела до его частной жизни. За это он был лишен жреческого сана, приданого жены и, наконец, собственного имущества, и сам, переодетый крестьянином, принужден был бежать в Сабинские горы. Говорят, что агенты Суллы узнали его, но он спасся, умиловив вожака партии взяткою в два таланта (талант – около 2400 руб.). Только после долгих и настойчивых молений друзей и всей коллегии весталок диктатор смягчился и простил его, но, добавил он: “смотрите только, как бы в один прекрасный день ваш протез не оказался палачом аристократии: в нем сидит не один Марий”.

Предсказание Суллы, как известно, сбылось до буквы; пока же Цезарь уже мог похвалиться своей первой победою над врагами. Слабый в телосложении и изнеженный, деливший свое время между заботами о туалете и галантными приключениями, этот “юноша с небрежно подвязанным поясом” обнаружил решимость и отвагу, изумившую всех, знавших его. “Во всех его проектах и поступках, – говорил о нем впоследствии Цицерон, – я замечаю страшное честолюбие и властолюбие; но когда я вижу, с какою тщательностью он прилагает свои волосы, чтобы скрыть лысину, и как изящно он почесывает себе голову мизинцем, мне, право, не верится, чтоб он замышлял какие-либо планы об уничтожении римского государства”. И таким Цезарь оставался всю свою жизнь. Беспечный кутила, не знавший различия между своими деньгами и чужими, неотразимый сердцеед, прославивший на весь мир мужем всех жен, инициатор скандалов и проделок, заставлявших говорить о себе весь город, он под оболочкою типичного представителя “золотой” молодежи таил энергию, силу, смелость и, вместе с тем, выдержку, несравненные в эту эпоху духовного обнищания и умственной тупости. С великодушным, почти женским по своей теплоте и гуманности сердцем он соединял ясный и расчетливый ум, не превзойденный в нормальности и уравновешенности ничьим другим в истории. Никто лучше него не понимал событий и людей, никто зорче не различал будущего и точнее не взвешивал обстоятельств и шансов и никто так неуклонно не умел стремиться к раз намеченной цели, скрывая свои карты до последнего решительного момента. Шаг за шагом, то поддаваясь, то наступая, умел он с железною настойчивостью подготавливать почву для окончательного удара, и тогда с молниеносною быстротою он бросался на ничего не чающих врагов, ошеломляя их своей дерзостью и силою. Все эти качества, качества кошки без ее черствости и кровожадности, он, разумеется, развернул в более позднюю пору своей жизни; но некоторые из них проглядывают достаточно ясно и в столкновении с Суллою.

Жизнь в Риме, управляемом тяжелою рукою диктатора, была не из приятных, и Цезарь в 81 году до н. э. решил поехать в Азию для ознакомления с военным делом. Он поступил адъютантом к тамошнему правителю М. Минуцию Терму, занятому покорением малоазийских островов. Посланный им в Вифинию, к царю Никодему III, за флотом, он исправно выполнил поручение и, вернувшись, успел принять участие во взятии Митилены на острове Лесбос, причем спас жизнь солдата и был за то награжден цивическим венком. Цезарь оставался при Терме всего полтора года, после чего он перешел к П. Сульпицию, проконсулу Киликии; но здесь он вскоре узнает, что Сулла умер, и немедленно возвращается на родину.

Обстоятельства в Риме были, по-видимому, благоприятны для демократического дела: его злейший враг сошел со сцены, а один из консулов, Лепид, был в открытом восстании против сената. Тем не менее Цезарь не принял участия в движении: осмотревшись, он увидел незначительность его шансов на успех и не хотел, связавшись с ним, скомпрометировать свою карьеру и отрезать себе путь к дальнейшей деятельности. Действительно, вскоре за тем

² В Древнем Риме списки лиц, объявленных вне закона

Лепид со своим войском потерпел поражение, и все участники предприятия были наказаны смертью или изгнанием. Цезарь предпочел обычный метод оппозиции, которым пользовались все вожаки демократии до него. Для молодого человека, желавшего обратить на себя внимание народа, не было средства лучше, нежели выступление защитником какого-либо популярного законопроекта или изобличителем злоупотреблений какого-либо члена правящей олигархии. Так поступил, например, Цицерон, так сделал и Цезарь. В 77 и 76 годах до н. э. он притянул к ответственности двух аристократов: Кн. Долабеллу и К. Антония, обвиняя их в грабеже и вымогательствах в вверенных им провинциях Македонии и Греции; он проиграл – судьи сами принадлежали к сенатской аристократии; но он приобрел значительную известность в народных кругах и завоевал симпатии многих демократов. По-видимому, он приписывал свою неудачу недостатку ораторского образования, потому что в том же 76 году он отправляется на остров Родос, где подвизался в качестве учителя риторики знаменитый Аполлоний Молон, наставник Цицерона. Путь его лежал мимо западных берегов Малой Азии, где были расположены главные квартиры пиратов, державших в руках все Средиземное море. Эти пираты составляли обширную организацию, в которой состояли пайщиками многие знатные римляне: они раскидывали свои операции по всем островам архипелага и другим, грабя берега даже Италии, разоряя население и уводя в плен именитых граждан с целью достать выкуп. Цезарь попал им в руки недалеко от Милета, у острова Фармакузы, и был вынужден прожить с ними 38 дней, пока друзья его собирали в соседних городах требуемые 50 талантов. Говорят, что разбойники потребовали с него первоначально лишь 20, но он рассмеялся им в лицо, говоря, что они не знают, какая птица им попалась, и обещал дать им 50. Вообще он вел себя в их обществе так, как только мог вести себя Цезарь: непринужденно принимал участие в их забавах, как бы снисходя читал им свои стихи, а когда они не рукоплескали, обзывал их невежественным дурачем, обещаясь когда-нибудь переловить их и распять. Конечно, его слова принимались за шутку, но Цезарь думал, что говорил: освободившись, он раздобыл несколько кораблей, напал на пиратов, забрал в плен и, отвезши в Пергам, предал их обещанной казни. Тамошний проконсул вздумал было сердиться за такое самоуправство: он предлагал продать пленников в рабство; но Цезарь не обращал внимания и продолжал уже свой путь.

Он пробыл у Молона недолго: вспыхнувшая в Азии Митридатская война привлекла его к театру действий, и, насобрав на свои частные средства небольшую армию, повел кампанию на личный страх. Говорят, что он успел даже разбить наголову одного из неприятельских генералов, когда, узнав о назначении своим жрецом на место умершего дяди, К. Аврелия Котты, он решил, не докончив дела, снова вернуться домой. Отныне начинается его регулярная политическая деятельность, приведшая к вершине власти.

Главным человеком в Риме был тогда Помпей. Недавно еще любимец Суллы и верный слуга олигархии, он теперь, встречая некоторую холодность со стороны родовой знати, стал заигрывать с демократией, все еще обессиленной ударами покойного диктатора. В 70 году до н. э. он был избран консулом и, предприняв ряд реформ с целью ослабить правящую аристократию, встретил деятельного союзника в лице Цезаря. С его помощью ему удалось восстановить отмененные Суллою законодательные prerogative трибунов, провести амнистию приверженцам злополучного Лепида и вырвать суды из-под исключительного ведения сената, распределив личный состав их между сенатом, в числе одной трети, и всадниками, в числе остальных двух третей. Содействие Цезаря в проведении этих мер было весьма ценно, и молодой честолюбец одним ударом приобрел влиятельного друга и широкую популярность. Плоды не замедлили сказаться уже в следующем году, когда он значительным большинством был выбран в квесторы – провинциальные интенданты – на первую ступень в служебной иерархической лестнице республики. Ему досталась в ведомство Дальняя Испания, нынешняя Португалия и Андалусия; но отъезд пришлось отложить по случаю смерти жены

Корнелии и тетки Юлии. Над последнею, по обычаю, он произнес надгробную речь, в которой восхвалял доблести как ее, так и ее мужа, великого ария, друга и поборника демократов. Собравшийся народ восторженно рукоплескал, внимая лившимся из уст Цезаря дифирамбам, но энтузиазм еще более усилился, когда, по приказу благочестивого племянника, изображения Мария были пронесены в торжественной процессии – впервые с тех пор, как его статуи были сброшены рукою Суллы и сам он объявлен врагом отечества. Цезарь сделался героем дня, и он мог теперь спокойно уехать в свою провинцию, уверенный, что народ не так скоро забудет его подвиг.

Он пробыл в Испании с год, после чего, вернувшись, был назначен надсмотрщиком Аппиевой дороги – этой грандиозной артерии, прорезывавшей полуостров от Рима до Бриндизи. Зная, как ценит ее народ, он не скупился на ее улучшение и украшение, расходуя на это не только отпускаемые ему из казны деньги, но еще большие суммы из своего собственного кармана. Благодаря этому, конечно, он влез в страшные долги, но он знал, что рано или поздно все окупится, да еще с лихвою. Тогда же он породнился со своим новым другом Помпеем, женившись на Помпее, дочери Кв. Помпея Руфа и внучке Суллы. Политическая атмосфера в Риме была в то время насыщена электричеством: ряд скандальных процессов разоблачил хищнические разбои сенатских наместников в провинциях, а победы Митридата в Азии и беспрепятственное владычество пиратов в Средиземном море обнаружили полную неспособность олигархии справляться с врагами внешними и внутренними. Банкротство ее было очевидно для всякого, даже для нее самой, и демократы решили воспользоваться этим моментом, чтоб учредить диктатуру и вручить ее одному из своих сторонников. Помпей, только что вернувшийся после блестящих побед в Испании, казался наиболее подходящим кандидатом на этот пост, и народный трибун Габиний вышел к народу с предложением облечь его неограниченными средствами и властью над всем бассейном Средиземного моря с тем, чтоб, уничтожив разбойничьи гнезда, он поехал на Восток на смену Лукуллу. Ярость и оппозиция аристократии были беспредельны, но Габиний победил, имея на своей стороне блестящую риторику Цицерона и неутомимое красноречие и дипломатические способности Цезаря.

Помпей получил свою диктатуру на три года, но миссия была выполнена в три месяца: пиратские суда были перехвачены, гнезда разорены, сокровища забраны, и Рим, после страшной дороговизны, стал опять беспрепятственно получать свой хлеб из Сицилии и Иллирии. Урок, который сенат получил, был наглядный; но его оппозиция ничуть не уменьшилась, когда в следующем, 66 году до н. э. на очередь поступил вопрос о назначении Помпея вторично диктатором – на этот раз для войны с Митридатом. Предложение вошло в комиссию по инициативе трибуна Манилия, и олигархия употребляла все средства, чтоб его провалить; но Цезарь и Цицерон опять взялись за дело, и вопрос прошел при рукоплесканиях народа.

Положение нашего героя было теперь прочно, и в 65 году до н. э. он был избран курульным эдилом. Должность эта, открывавшая перед исполняющим ее двери сената, некогда заведовала полицейско-санитарным положением города; но теперь она превратилась в нечто вроде почетной повинности по украшению города новыми общественными зданиями и по устройству публичных празднеств, угощений и игр. Она требовала бешеных средств, а у Цезаря как раз ничего, кроме долгов, не было: по уверению Плутарха, они доходили до чудовищной суммы в 1300 талантов, и местные ростовщики решительно отказывались одолжать больше. На счастье, аристократы дали Цезарю в товарищи по должности некоего М. Бибула, человека очень богатого, хотя и скупенького: его-то капиталами стал теперь распоряжаться Цезарь, выстраивая от своего имени новые портики и базилики и украшая форум и Капитолий статуями и картинами. Конечно, Бибулу такое бесцеремонное со стороны Цезаря присвоение себе одного чести, принадлежащей по справедливости им обоим, не особенно нра-

вилось; он нередко жаловался на свою горькую участь, сравнивая ее с участью Поллукса, имевшего в Риме храм, посвященный совместно ему и Кастору, но обыкновенно называемый именем последнего; но он ничего не мог делать, опасаясь быть обвиненным в скаредности и зависти к своему коллеге. А коллега отлично пользовался обстоятельствами, привлекая к себе народные сердца играми, на которых выставлял 320 пар гладиаторов в серебряных латах, и представлениями цирка, ради которых выписывались неведомые звери из дальних стран. Сюрпризам, которые он устраивал публике, не было конца, и однажды утром город проснулся, чтоб увидеть на Капитолии блещущие мрамором и свежей позолотой статуи Мария и картины его главнейших побед над Кимврами и Югуртою. Сенсація была всеобщая: весь народ повалил смотреть давно уже не виданные изображения своего идола и его славы, запрещенные со времени Суллы и выставленные теперь публично на главном месте города. Никто не знал имени смельчака, дерзнувшего нарушить закон; но всяк о нем догадался и всяк хвалил Цезаря. Марианские ветераны со слезами на суровых щеках и огнем в потухших взорах толпились вокруг Капитолия, глядя на дорогое лицо и крича, что Цезарь – единственный родственник, достойный великого человека. Сенат был разъярен: он собрался на экстренное заседание, и старик Лутаций Катулл произнес обвинительную речь против демагога, говоря, что он не только тайно подкапывается под республику, но даже открыто разрушает ее тараками. Однако из этих нападок ничего не вышло: Цезарь ловко защитился, и “собрание царей” не посмело его тронуть. Оно, однако, отомстило тем, что провалило его предложение народу назначить его эмиссаром в Египет для упорядочения тамошних дел.

В следующем году, в качестве бывшего эдила, Цезарь помогал городскому претору в отправлении судебных обязанностей и председательствовал в уголовно-следственном департаменте. Он энергично преследовал исполнителей Сулловых проскрипций и осудил на смерть двух главных из них. Но особенно богат был событиями 63 год до н. э., когда в защиту аристократической олигархии поднялся вновь избранный консулом Цицерон, еще за год до этого ратовавший за демократию. Свежеиспеченный “охранитель незыблемых основ общества” занялся искоренением крамолы, и между ним и его недавними союзниками вспыхнула борьба, в которую не замедлил ввязаться и Цезарь. Первая схватка произошла по поводу аграрного законопроекта трибуна П. Сервилия Рулла, предложившего назначить комиссию из десяти человек с неограниченными полномочиями по закупке и разделу земель в Кампании и выселению колонии туда и в другие местности. Цезарь деятельно поддерживал это предложение, но против него выступил Цицерон и после нескольких речей заставил Рулла взять свой проект обратно. Тогда Цезарь перенес борьбу на другую почву. Тридцать шесть лет тому назад народный трибун Сатурнин, сподвижник Мария, потерпел поражение на улицах Рима и был принужден с товарищами спастись бегством. Они укрылись в Капитолий, но так как водопроводные трубы были перерезаны, то они скоро сдались. Их отвели в здание сената на временное заключение и здесь заперли в ожидании разбора дела. Но “золотая” молодежь не осталась довольна формалистикой почтенных отцов: вскарабкавшись на здание, она изломала крышу и черепицами убила заключенных. Среди нее особенно усердствовал некий К. Рабирий, парадировавший на улицах с головою Сатурнина; теперь, в 63 году до н. э., он превратился в серьезного сенатора, погрязшего в сословные предрассудки и упрямо боровшегося против реформ. Его-то Цезарь вздумал наказать не столько за преступление, сколько ради острастки его соумышленникам. И вот, по его просьбе, трибун Т. Лабий, впоследствии его правая рука, а затем враг, откопал это старое дело и привлек Рабирия к ответственности на основании устарелого закона о государственной измене. Вопрос разбирался перед двумя судьями, назначенными претором и как на грех оказавшимися Цезарем и родственником его, – и Рабирий был, всеконечно, осужден. Но так как каждый римский гражданин, обвиненный в уголовном преступлении, имел право апеллировать к народу, то дело Рабирия поступило в комиции, где приговор мог быть либо утвержден, либо кас-

сирован. Олигархия выслала защитником подсудимого своего покорного слугу Цицерона, но она, вероятно, проиграла бы, если бы претор, по совету, по-видимому, самого Цезаря, несколько не желавшего смерти старого сенатора, не расстроил собрания, сняв с Яникула военный флаг: в те отдаленные времена, когда римская община, заключенная в тесные пределы между этим холмом и Ватиканским, легко могла подвергнуться неожиданному нападению этрусков, исчезновение белого военного флага с Яникульского сторожевого поста означало опасность, и граждане должны были бросить все дела, чтоб взяться за оружие. Теперь этот обычай, конечно, вышел из употребления, но выходка претора показалась остроумною, и толпа с миром разбрелась по домам, смеясь над тем, как ее одурачили.

Около этого времени умер верховный жрец, Кв. Метелл Пий, и кандидатом на вакансию выступил известный нам Кв. Лутаций Катулл и Кв. Сервилий Исаврийский – оба бывшие консулы и ярые приверженцы сенатского режима. Сан этот, помимо чисто религиозного, имел еще большое политическое значение: стоя во главе духовной иерархии и имея под собою коллегии весталок и фламингов, верховный жрец был истолкователем канонического права, публичного и частного, главным авторитетом по части предсказаний и авгур, и неограниченным властелином календаря, определявшего время выборов, праздников и т. д. Стоило только народу собраться для рассмотрения “демагогического” проекта, как жрец торжественно объявлял, что авгуры неблагоприятны и собрание потому состояться не может; нужно было оттянуть опасный по своим разоблачениям и последствиям процесс до другого года, когда и консулы, и преторы, заправлявшие судом, были на стороне сената, – и жрец узаконивал длинные праздники в честь какого-либо бога и затем объявлял год закончившимся. Словом, это было могучее боевое орудие в руках господствующего класса, и демократы давно уже силились захватить его. К несчастью, по одному из Сулловых законов места в жреческой коллегии пополнялись самими членами ее, и состав ее, таким образом, мог быть всегда огражден от вторжения нежелательных элементов. В виду этого трибун Лабиен, за несколько недель до выборов, внес в комиции предложение отнять ту привилегию у жрецов и передать ее народу самому, и после бешеной оппозиции аристократии предложение прошло и стало законом. Тогда демократы решили выставить своего кандидата, и выбор пал на Цезаря. Молодой щеголь, не исполнявший ни одной высшей государственной должности, а взамен того прогремевший по всему Риму своими любовными авантюрами, нужно сознаться, мало подходил к священному сану представителя богов на земле; но так как дело касалось политики, а не теологии или этики, то лучшего кандидата трудно было и придумать. Напрягая все свои силы, олигархия стала с ним бороться и правыми, и неправыми средствами; Сервилий вступил даже с ним в конфиденциальные переговоры, предлагая в виде отступного уплатить все его долги; но Цезарь, зная цену призу, отверг предложение, говоря, что в случае чего он готов признаться еще. И действительно, он так всецело окунулся в долги, что утром, в день выборов, на прощанье говорил матери, что либо вернется к ней верховным жрецом, либо не вернется совсем, а уйдет в изгнание. Но счастье было на его стороне: он одержал блистательную победу, получив даже в тех трибах, к которым принадлежали его соперники, больше голосов, нежели они.

Это было жестокое поражение для аристократии, и Цезарь мог тем более торжествовать, что несколько месяцев спустя был избран и в преторы на будущий 62 год до н. э. Но борьба 63-го еще не была исчерпана и в декабре вспыхнула с новою силою по поводу неудавшейся попытки Катилины свергнуть сенатское правление. История этого пресловутого “заговора” относится всецело к биографии Цицерона: к ней мы читателя и отсылаем; здесь же мы коснемся лишь роли, которую при этом играл наш герой. Что он знал или догадывался о замыслах Катилины, не может подлежать сомнению: он принадлежал с ним к одной и той же партии и был слишком видный тогда деятель, чтоб оставаться чуждым проектов товарища; но принимал ли он действительно участие в предприятии, как утверждали его

враги, – более чем гадательно. Он был слишком проницателен, чтоб не видеть безумия его, и слишком практичен, чтоб, видя это, связать свою судьбу с ним. Вероятно, как и в 78 году до н. э. во время восстания Лепида, он предпочитал стоять в стороне, сохраняя благосклонный нейтралитет. Когда поэтому 5 декабря в сенате стал разбираться вопрос об участии арестованных заговорщиков Лентуллы и других и вновь избранный консул Д. Силан предложил предать их смерти без суда и апелляции, Цезарь не поколебался выразить свое неодобрение проектам Катилины, но вместе с тем указывал на незаконность и непрактичность Силанова предложения, советуя лучше отправить преступников в какой-нибудь италийский город, где они жили бы под постоянным надзором. Речь его, горячая, негодующая и полуугрожающая, оказала сильное впечатление: сам Силан стал колебаться, а за ним многие другие; но Катон и Цицерон продолжали настаивать на смертной казни, и предложение Силана было принято. Говорят, что Цезарь продолжал еще и после этого протестовать, но вынужден был умолкнуть перед недвусмысленными угрозами стоявших тут же добровольных телохранителей Цицерона: они приставили к его груди свои мечи, и он насилу спасся.

А олигархии это было очень жаль: она все время надеялась скомпрометировать Цезаря и даже уговаривала и подкупала Цицерона объявить его, на основании мифических документов, соумышленником Катилины; но дело не выгорело: Цицерон боялся мести толпы и наотрез отказался дать требуемые показания. И хорошо поступил: когда через несколько дней после описанного Цезарь пришел в сенат с целью ответить на сделанные на него нападки и заседание затянулось дольше обыкновенного, толпа, боясь за участь своего любимца, подступила к курии и грозила разнести ее вдребезги, если ей не представят Цезаря целым и невредимым. Только когда последний вышел к ней со словами успокоения, а Катон обещал устроить даровую раздачу хлеба, толпа притихла и разошлась по домам.

62 год до н. э. был не менее бурен и занимателен, нежели предыдущий. Цезарь, как было упомянуто, был претором, а двумя выдающимися трибунами были Кв. Метелл Непот и М. Порций Катон (Младший). Первый был клеврет Помпея, специально приехавший от его имени и в его интересах занять трибунат, а второй, известный поборник сенатской аристократии, также специально заставил себя выбрать на эту должность, чтобы оппонировать Метеллу. Атака началась по всей линии. В самый день вступления в должность, 1 января, Цезарь предложил в народном собрании отнять у Кв. Лутация Катулла, его соперника по выборам в понтификат, честь достроить Капитолий: этот именитый аристократ, глава сената, взял на себя эту почетную обязанность еще в 83 году до н. э., когда Капитолий сильно пострадал от пожара, и теперь, израсходовав огромные суммы, готовился начертать свое имя на вновь отстроенных храмах и портиках. Лишить его, после многолетних ожиданий, столь желанного момента было жестоко, но Цезарь имел не столько личные, сколько политические расчеты, желая доставить завершение дела Помпею, а в его лице – демократии. Попытка, однако, не удалась: сенат поднял такой протест, что Цезарь принужден был взять свое предложение обратно. Но, проиграв в этом, он выиграл в другом. В день сдачи Цицероном отчета в своем консульстве, Метелл выступил вперед и запретил ему говорить, обвиняя его, в качестве председателя сената, в превышении власти – в незаконном осуждении на смерть римских граждан и лишении их прав апеллировать к народу. Он намекал на задушенных в капитолийской тюрьме Лентуллу, Цетега и других соумышленников Катилины, которых сенат, не обладавший судебными прерогативами, велел казнить, несмотря на протесты Цезаря. Поднялся скандал, в шуме которого обвиняемый успел лишь поклясться, что спас республику; ему ответом были дружные рукоплескания собравшихся несметною толпою всадников и сенаторов, и Цицерон был спасен. Тогда Метелл потребовал дня для рассмотрения вопроса о том, не следует ли пригласить с Востока Помпея для искоренения существующего сенатского беззакония и примерного наказания преступников. Аристократия пришла в оцепенение: это значило явно уничтожить конституцию и передать республику в руки новому

Марию. Началась сильнейшая агитация, и в назначенный день сенаторы толпами повалили на форум, твердо решившись расстроить затею. Авгуры не помогли – ими манипулировал Цезарь; оставалась грубая сила, и ею респектабельная аристократия надеялась взять. Главнoкомандующим явился Катон: завидев Метелла и Цезаря сидящими друг подле друга, он протиснулся через толпу и преспокойно занял место на трибуне между ними, тем прервав их переговоры. Метелл приказал писцу читать предложения, но Катон вырвал бумагу из его рук и, разорвав ее в клочки, занял прежнее место. Тогда Метелл принялся читать его на память, но третий трибун при всеобщем смехе закрыл ему рот рукою. Это было сигналом к свалке, и Катон со своею челядью был выкинут из собрания. Но его не так легко было победить: вернувшись во главе многочисленной и хорошо вооруженной банды, он, в свою очередь, напал на Метелла и его друзей, и после жаркой схватки, в которой гуляли не только палки, но и мечи, рассеял собрание. Сенат немедленно постановил отрешить мятежного трибуна и претора от должностей: хотя это было незаконно, и сенат рано или поздно принужден был бы взять постановление обратно, но Метелл, испугавшись, бежал к Помпею докладывать о случившемся. Цезарь же продолжал по-прежнему отправлять свои обязанности, пока сенат не послал вооруженных гонцов стащить его силою с трибунала; он медленно тогда сложил свою тогу и знаки власти, распустил своих ликторов и спокойно ушел к себе домой. Вечером вокруг его дома собралась огромная толпа и предложила ему пойти в сенат; но он успокоил ее, попросил разойтись, говоря, что почтенные отцы не замедлят сами одуматься. И, действительно, перепугавшись демонстрации, сенат через два дня взял свое решение обратно, послал знатных делегатов просить прощения и пригласил его прийти в курию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.